

* * *

Евгений Павлович рассказывал:

– Первый раз меня ранили в сорок первом в ногу, выше колена, в волховских лесах. Зимней ночью нас, десантников, выбросили туда, и меня-то ещё на лету, пока опускался на парашюте, подбили: почувствовал, нога моя дернулась, и мне стало жарко. И я боялся неладно приземлиться – на пенёк или кочку. Обошлось. И парашют еле-еле погасил. Санитар подбежал ко мне. Ну, а немец разве разбирает, кто – санитар ли, раненый ли или здоровый, если мирных и детей он колошматил, стерва; он бросит вверх ракету, раскроется парашют над ней, горящей – светло; ты поклонись земле, не то не уцелеешь враз. Мы с санитаром в лес насили зашли. Посадил он меня под ёлку: «Через полчаса приедём, солдат, за тобой, ты жди!» Я что-то долго сидел, стал замерзать. Потом выдернул комель подходящий, побрёл с ним наугад лесом. Не разберёшь, где свои, где немцы; справа всё трещит, бабахает, слева трещит – идёт, словом, бой. Ночной. Темно. А ориентируюсь я, ребята, аховски. Только к утру стал выходить из кондового леса. Иду уже сквозь опущенный лес – едут встречь мне наши зелёные повозки. «Ты откуда?» – спрашивают возницы. – «Куда вы едете?»

* * *

До Сестрорецкого курорта курсировали так называемые круговые поезда – через станцию Белоостров – примерно каждые полчаса по выходным дням. Однако ныне поезд дошел лишь до Белоострова, а дальше почему-то не пошёл немедля. Из-за этого в вагоне все заволновались. Что за штучки такие? Был-то уже самый полдень. А вскоре в вагон вшагнул хмуроватый железнодорожник-начальник в полуформе и, став у входа, срывающимся голосом оповестил всех едущих о том, что данный рейс прерывается в связи с тем, что началась, граждане, война с Германией. Немецкие войска на рассвете атаковали границу. Бомбили наши города. По радио сейчас дали правительственное сообщение...

Услышанное разум человеческий никак не вмещал, не мог вместить; шок, непонимание происходящего и растерянность придавили сразу всех пассажиров. Они, лишь опомнившись мало-помалу, зашевелились, задвигались, заахали, завздохали, повалили вон из вагонов – кто куда. С сокрушением, тревогой и печалью.

Река Сестра

* * *

Он вздохнул и присел на стул.

– Отчего же все разом набросились на нас? Чаю Вам налить?

– Как и в ту войну с Францией при Наполеоне. Все просто: хоть и сзади, но в том же стаде.

– А вот если бы не было у нас с финнами задора из-за отодвижения границы, – спросил, выйдя на террасу, полусонный Павел, – поплёрли бы они на нас вкупе с немцами, как считаете?

– Безусловно. Ведь надо же под шумок тоже что-то отхватить и откусить, урвать на дармовщину, если такое возможно. Туша-то ведь большая, побольше мамонта.

Отрывки из романа «Свет мой»

С автором книги, Аркадием Алексеевичем Кузьминым, жителем нашего Выборгского района, мы знакомили читателей в нескольких номерах газеты. Художник-график Аркадий Алексеевич Кузьмин родился 19 марта 1929 года под Ржевом в крестьянской семье. С 14 лет участвовал в Великой Отечественной войне, воевал на 2-ом Белорусском фронте. Затем служил на флоте с сентября 1949 г. по май 1953 г. В 1960 году закончил МЗПИ, работал художником-графиком в издательствах: иллюстрировал книги, учебники, пособия, создавал плакаты, календари, открытки, фирменные знаки, этикетки. Издано свыше 350 его открыток и конвертов. До 1975 года работал заместителем директора издательства «Художник РСФСР». В 1952 году участвовал в Московской выставке флотских художников (масло, графика).

С девяностых годов Аркадий Алексеевич активно участвует в выставках в Домах культуры, галереях, клубах, офисах, библиотеках. Художник предпочитает писать пейзажи с натуры, по настроению камерные, доверительные. Также пишет акварелью, работает в графике.

– Да, европейцы могут запросто казнить своих королей и королей, и героев, – вставил и Алексей Валерьевич, подсаживаясь на свободный стул. – А ты, русский разбойник, попробуй только, – они сразу заявят: ты людоед – законов не знаешь.

– Забодай комар такую философию!

– Для европейских политиков Россия как кость в горле торчит, – продолжал историк. – Оттуда и в Россию хлынул дикий капитал. Почитайте Маркса – и тогда всё поймете... Европеизм вскормил Гитлера. Он ни за что не успокоится ни за какие коврижки и взбучки.

В окопе

* * *

Залез я на крышу одной уцелевшей пока избы, развернул свою рацию. Кто-то поблизости от меня стрелял из дегтяревки; фрицы, чтобы покончить с этим, выкатили орудие. И пошла дуэль. Я пытаюсь связаться с артиллеристами: «Бухта! Бухта! Бухта!» В это время – бух! Снаряд. Снёс полкрыши. Опять я пытаюсь: «Бухта! Бухта!» Опять – бах! Трах! Крыши вовсе нет. Печная труба попридержала её обломки. От рации моей – ни ошметков. Слышу – зовут: «Ваня, жив?» Откликнулся я кое-как. Кое-как сволокли меня с развалин избы. – «Ты ранен? Куда?» А я и сам не пойму, ранен ли. Ведь в полном сознании нахожусь. И работает мысль. Стягивают с меня шкары – дырка на ноге, а крови нет. А мороз. Если брюки совсем стянуть – тело заморозится, так что через брюки мне перебинтовывают ногу. И на волокуши миглом кладут. Двое бойцов волокут меня. И уж находит на меня жар. Гляжу в небо вечное: оттуда хищный остроносый «мессер» вынесся. Я кричу: «Эй, ребята, «мессер», прячьтесь!» Они сигают куда-то, а я, беспомощный, лежу в открытую. Под веером пуль. Они вспенили все вокруг меня, пока не зацепили... Мои ребята, замечаю, поднимают головы из-за укрытия, а ко мне и не ползут покамест – сверху вновь истребитель в заходе свинцом нас поливает.

– И со мной при штурме в Пеште вышло так, – сказал Махалов. – Бегу в банке. Спереди доносится крик: «Не стреляй, браток! Свои!» На секунду опустил автомат, и по мне садит очередь шкура-власовец. Через оседавшего меня Жорка достал его... Вытащил он меня на улицу. «Лежи до прихода санитаров!» А сам продолжал атаковать неприятеля. И я лежал под обстрелом. Дальше что, Ванюшка!

– Возили-возили меня – привезли в Рыбцкое. ёлоч-ки, палаточки. Скинули меня в одну из них. Я словно бы забылся. Сестра будит меня: «Выпей!» Будто спирт в стаканце. На закуску кусочек сахара. Выпив жидкость, опять забылся, задремал. Потом снова будят меня. Везут в операционную. На стол, под свет. Тарахтит движок. Раздевают меня донага, переворачивают. Холодно. И стыдно. И хотя на животе лежать голому не столь стыдно: восемнадцать с половиной лет было мне... Я родился пятнадцатого августа...

– О-о! А я – пятого. Здорово, а! Никак не думал!..

– У меня была, т.е. оперировала меня, врач средних лет. Уколы: один, другой, третий. Трещит всё в теле. Она: «Голубчик, кричи!» Какое там... Кричать... Кровь в зубах. Не могу. Она опять: «Миленький, кричи!» Никак не могу. А

Наши войска во время Блокады

они, медики, ни за что не могут вытащить из моего тела осколок снарядный. Насилу вырвали наконец. Показали мне. Величиной он был тринадцать сантиметров! А размер моей раны двадцать семь на двадцать один сантиметр. Оперировавшая хирург с улыбкой и сказала: «Вижу я, что ещё не всех ленинградцев поубивали фашисты».

* * *

Я лежу после второй или третьей (боюсь сказать) глазной операции, Настя принесла письма от матери. И Настя приходит и говорит: «Вернулись партизаны в Ленинград». Потом, что встретила Валю Тихонову и что в очко моего противогаза её фотокарточку нашла. Эта фотокарточка Вали была мной действительно замурована в очко противогаза. Она была ржавая, какую в ретушь у нас уже не принимают. Я ухаживал за Валией, а потом – она за мной. И я сказал ей самую грубую пошлость, когда она как-то попросила проводить её: «Сама дойдёшь – не маленькая». Вот её карточку я пронёс через весь фронт. И вдруг Настя говорит мне, что видела её. Я – без движения лежу. Всё попроси. Сам, без посторонней помощи, я сделать ничего не могу. Шефы приходили к нам несколько раз. И тут чувствую: кто-то надо мной стоит. Не как-нибудь стоит...

– Чувство, чувство.

– Да. И ещё про один момент расскажу вам. Я долго не мог написать матери, с глазом или без глаза. И так три месяца. Опять операция – безрезультатно. И вот лежу весь завязанный в бинтах. И слышу: Потоцкая, наша школьная учительница. Пробила ко мне. Вот с этого я начал свой рассказ – об этой моей воспитательнице. Сохранил на всю жизнь её имя, её голос. Она подошла ко мне, лежащему. Она только погладила меня. Я не мог дальше вынести. Меня всего скрывали бинты... Но я так разрыдался... Нас двое только раненых было в этот час в палате...

– Стояли двухъярусные койки?

– Да. И здесь только одно прикосновение руки – больше я выдержать не мог: рыдал взахлеб. Ведь ни разу за несколько лет фронтовой жизни я не слышал ласкового слова. А тут кто-то пригнул меня по-матерински. Ну, знаете, ребята, над этим можно смеяться, но это – сущая правда.

– Это не смех, Ванюшка. Это – добрая улыбка.

Иван молчал, справляясь с волнением. Помолчали друзья.

Художник Кузьмин А.
Плакат: 1968 г. Газета 400 000

Страницу подготовила Ирина Кузина